

Тильзитский мир и союз: германские аспекты переговоров

Из событий, относящихся ко времени завязывания переговоров в Тильзите и к тому, что так или иначе их касается, нам известна лишь внешняя сторона дела.

Мы знаем, что 12 (24) июня 1807 г. к Александру I, который вместе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III находился в селении Пиктупёнен, прибыл личный посланец Наполеона Жерар Кристоф Дюрок. От имени императора французов генерал принес Александру поздравления по случаю прекращения военных действий между Россией и Францией и, выполняя волю Наполеона, предложил российскому императору свидание.

Согласие было дано, после чего стороны условились, что встреча произойдет на следующий день, 13 (25) июня на середине Немана, разделявшего расположения французской и российской армий. Свидание состоялось, и Наполеон стремился самым торжественным образом обставить встречу с еще недавним противником, с которым более трех лет находился в состоянии войны¹.

Как показали события, последовавшие за поражением коалиции европейских государств, выступивших против Франции в 1806—1807 гг., стремление к миру было продемонстрировано как с российской, так и с французской стороны. Для России «оказалось невозможным избежать соглашения с Наполеоном вследствие полного отсутствия финансовых и нравственных сил»², а, кроме того, из-за катастрофического положения, в которое попала Пруссия. Сам ход кровопролитной, тяжелой войны привел к пониманию необходимости остановиться и заключить долгожданный мир. Именно этим, на наш взгляд, и следует объяснять то, что первый же российский зондаж о перемирии был успешным, что вряд ли обоснованно объяснялось тем обстоятельством, что Наполеон якобы опасался «всеобщего конгресса» воюющих сторон и поэтому тотчас же пошел навстречу российской инициативе³.

Тема конгресса, прозвучавшая в дипломатической переписке весной 1807 г. в результате предложения австрийского посредничества в примирении сторон на конгрессе заинтересованных держав⁴, была поддержана Наполеоном и во всяком случае в апреле 1807 г. он учитывал это обстоятельство на переговорах с Пруссией⁵. Однако военная ситуация постоянно менялась, что отнюдь не способствовало идее конгресса даже тогда, когда были определены участники и место встречи. Предложение о конгрессе, прозвучавшее в беседе Д. И. Лобанова-Ростовского с маршалом А.-Л. Бертье после поражения российской армии под Фридландом, которое французский представитель оставил без внимания, не имело для французов никакого смысла, т. к. они считали, что можно добиться мира и, не связывая себя идеей весьма проблематичного конгресса.

Не боязнь конгресса, а скорее стремление не допустить влияния англичан и посредствующих австрийцев на российско-французские переговоры, как и возникшая у Наполеона вновь идея «русского» союза побуждали его к скорейшему заключению мирного договора с Александром I. Французская сторона явилась инициатором личных встреч между императорами, а также самой идеи союза России и Франции. У Александра I не было выбора, и, вероятно, его «удручала мысль о том, что он первый принужден был обратиться к врагу с мирными предложениями»⁶. Но как бы ни была неожиданна эта французская инициатива «союза», которую трудно, а вернее невозможно было отклонить, российский император смог воспользоваться ею с целью добиться от Наполеона возможно больших уступок.

Заключение мира рассматривалось Наполеоном как средство к укреплению своей системы в Европе, что влекло за собой признание легитимности происшедших и грядущих в обозримом будущем перемен на континенте, и в первую очередь в Германии. Признание политических и территориальных изменений в Германии и вообще в Европе должно было оторвать Россию от ее прежних союзников и направить ее внешнюю политику на путь сближения с Францией.

Свидание между Наполеоном и Александром I в Тильзите, российско-французские соглашения и предшествовавшие им переговоры не раз становились предметом исследований. Но и тогда, когда многие документы, связанные с переговорами, еще не были разысканы и опубликованы, как и тогда, когда уже были восстановлены самые основные сюжетные линии переговоров, историки обращались преимущественно к тому, как трактовались восточный и польский вопросы на тильзитских переговорах, оставляя в стороне германские проблемы⁷. Между тем, как показывают документальные источники, эти проблемы имели для деятелей российской дипломатии, в первую очередь для Александра I, первостепенное значение.

Позиция Александра I накануне и во время переговоров во многом определялась стремлением сохранить Пруссию как государственную единицу. Эта цель ставилась на первое место в документе, озаглавленном «Некоторые соображения, которые могут быть использованы в инструкциях российскому уполномоченному на мирных переговорах»⁸.

В этом документе, который находится в одном из фондов Архива внешней политики России, отсутствуют все признаки его официального характера: документ не датирован, не подписан и не имеет помет об утверждении его Императором. Тем не менее, если даже и нельзя признать его одним из вариантов инструкций А. Б. Куракину и Д. И. Лобанову-Ростовскому для ведения мирных переговоров⁹, то, во всяком случае, это один из документов, исходивших из окружения Александра I перед началом переговоров на уровне дипломатических представителей. Что касается датировки документа, то она может быть реконструирована. Поскольку первый раздел его начинается словами «D'après les dispositions que l'ennemi a manifesté lors des premiers propositions d'armistice qui lui furent faites...», то документ осторожно может быть датирован не ранее 4 (16) июня, то есть даты разрешения, данного Александром Беннигсену начать переговоры о перемирии.

Важнейшим вопросом в переговорах с французскими дипломатами «Некоторые соображения» признавали возвращение территории Прусского королевства прусскому королю, для чего далее шла речь о согласовании совместных действий русских и прусских представителей, причем российскому представителю вменялось в обязанность всеми силами содействовать интересам прусского короля. Однако после этого следовала оговорка о том, что Наполеон может потребовать от Пруссии вступить в Рейнский союз, и в этом случае Пруссия неизбежно становилась вассалом Наполеона и могла быть в дальнейшем использована против России.¹⁰

Далее в документе шла речь о необходимости вести переговоры о возвращении герцогства Мекленбургского, оккупированного французскими войсками, его «законному государю», что, как указывалось в этом пункте, не должно было представлять особых трудностей ввиду постоянных заявлений Наполеона о его готовности как можно скорее заключить мир с Россией.

После изложения ряда соображений относительно вознаграждений (индемнизаций) для королей Неаполитанского и Сардинского, документ вновь возвращался к германским делам, а именно к статусу ганзейских городов, в особенности Гамбурга и Любека. Они, согласно некоторым предположениям, могли стать при определенных обстоятельствах, вознаграждением для Пруссии, если бы Наполеон отказался вернуть прусскому королю его земли, занятые в результате военных действий. Достижение этого знаменовало бы собою большой успех для

российской дипломатии ввиду того, что, как подчеркивалось в документе, ганзейские города оставались важным элементом российской внешней торговли. Вознаграждение Пруссии землями в Германии предполагалось и в том случае, если бы Россия смогла получить вознаграждение на Балтийском побережье как эквивалент, а уступку части княжества Ефер близ Ольденбурга — «вотчины» Российского Императорского дома¹¹.

Российскому уполномоченному предлагалось дать согласие на признание Рейнского союза, королей Баварии, Вюртемберга, Саксонии и остальных «нововведений, разрушительных для того порядка вещей, который существовал прежде...».

Необходимо отметить, что в публикации рассмотренного документа при сличении ее с оригиналом обнаруживаются существенные неточности. Так, слова «les villes hanseatiques et particulièrement Hambourg et Lubeck» в документе подчеркнуты, выделены знаком красной строки и после них проставлено «NB». На следующей странице «NB» раскрывалось указанием на предположение рассматривать эти ганзейские города в качестве варианта вознаграждения для Пруссии.

Другой подобного рода документ, до недавнего времени неизвестный исследователям — «Проект инструкции уполномоченным для ведения переговоров о мире с Францией». Документ был обнаружен В. Г. Сироткиным в бумагах российского министра иностранных дел А. Я. Будберга и введен им в научный оборот¹². Этот документ также не несет на себе формальных признаков официального утверждения; он не датирован и не подписан. В отличие от «Некоторых соображений», «Проект инструкции» может быть датирован не ранее 12 (24) июня 1807 г. — даты ратификации соглашения о перемирии, о котором идет речь в начале «Проекта инструкции».

Проект, составленный от имени Александра и обращенный к конкретному, но не установленному лицу (по всей вероятности — А. Б. Куракину), также ставит германские проблемы на первое место:

«Вопрос, интересующий меня превыше всего, — то восстановление короля прусского в его владениях. Догадываясь о намерениях Буонапарта на этот счет, я не скрываю от себя, что будет очень трудно добиться возвращения прусскому королю всех его владений в том составе, в каком они были до разрыва в прошлом году. Однако надо попытаться. Но в случае, если это окажется совершенно невозможным, ввиду резкого противодействия французских уполномоченных, придется ограничиться установлением границы по Эльбе, предоставив остальную территорию в распоряжение Буонапарта, и попытаться, если можно, получить какой-нибудь эквивалент в курфюршестве Саксонском или добиться передачи королю прусскому городов Гамбурга и Любека... Я не берусь заранее предопределить, что надеется получить король в результате прямых переговоров, которые должны состояться между ним и французским правительством. Поэтому я ограничиваюсь тем, что рекомендую Вам самым настоятельным образом поддерживать уполномоченных Его Прусского В-ва в той мере, в какой это будет от Вас зависеть, при всяком удобном случае подчеркивая, что я принимаю живое и искреннее участие в судьбе короля и буду расценивать, как уступку лично мне все то, что французское правительство сочтет возможным сделать в интересах короля Прусского».

Далее идет речь о восстановлении суверенитета герцогства Мекленбургского, причем от имени Александра особо подчеркивались «родственные узы, связующие меня с княжеским домом Мекленбург-Шверин».

Общее совпадение очередности изложения пунктов, которые предполагалось отстаивать в переговорах с французской стороной и отдельные текстуальные совпадения вплоть до некоторых выражений, позволяют предположить с известной осторожностью, что первый документ явился определенной основой к составлению второго, т. е. «Проекта инструкции». Отсутствие в документе подписей и резолюции императора не мешает высказать предположение о том, что «Проект инструкции» если не написан самим императором, то мог быть продиктован

К приведенным выше документам примыкает также и «Меморандум», отложившийся среди бумаг Архива МИД, которые относятся к переговорам о мире в Тильзите¹³. В обеих редакциях, краткой и пространной, опубликованных Н.К. Шильдером, проблема Пруссии строит на первом месте, но несколько иначе трактуется вопрос о вознаграждениях: «Граница по Висле. — Россия может ее принять только в том случае, если Пруссия будет полностью (это слово зачеркнуто — С. И.)

вознаграждена». Далее следовал вопрос «где?» и ответ «в Богемии»¹⁴ — «Австрия действовала с таковым двуличием как по отношению к России, так и по отношению к Франции, что она весьма заслуживала бы быть примерного наказания»¹⁵. Этот пункт как нельзя лучше характеризует раздражение союзников тем обстоятельством, что Австрия, не откликнувшись на приглашения присоединиться к Бартенштейнской конвенции¹⁶, так и не выступила на их стороне против Франции, раздражение, которое в окружении Александра I вполне возможно подогревалось извечным прусско-австрийским антагонизмом. Забегая вперед, не лишним будет заметить, что на самих переговорах антиавстрийская тенденция, даже если она и проявилась, встретила препятствие и не получила дальнейшего развития. Возможно, именно это обстоятельство объясняется тем, что в отличие от Александра I Наполеон принял в Тильзите австрийского представителя барона Карла фон Штуттерхайма¹⁷.

Как бы то ни было, сравнение как «Некоторых соображений», так и «Проекта инструкций» и «Меморандума» с российско-французскими документами, подписанными в Тильзите, позволяют сделать вывод о том, что многие положения рассмотренных проектов инструкций были положены в основу согласованных текстов российско-французских документов. Это прежде всего относится к договоренности по германским аспектам переговоров¹⁸.

Таким образом, одним из основных вопросов, обсуждавшихся в Тильзите, был вопрос, касающийся дальнейшей судьбы ряда германских земель, включая и прусскую проблему.

Как известно, отношения между Россией и Пруссией определяла так называемая Бартенштейнская конвенция от 14 (26) апреля 1807 г.¹⁹ Буквально за два дня до свидания на неманском плоту прусский канцлер барон Карл-Август фон Харденберг с согласия российского императора существенно дополнил эту конвенцию. Харденберг исходил из того, что Россия и Пруссия вместе выступают на переговорах с Францией и вместе будут отстаивать свои интересы. При этом он указывал на статью 14-ю Бартенштейнской конвенции, предусмотрительно включенную в свое время самим канцлером (там шла речь о том, чтобы в случае, если Австрия и Англия не присоединятся к российско-прусскому союзу и если возникнут другие затруднения, оставить за собой «право согласиться впоследствии между собой... относительно мер, которые они должны будут предпринять, смотря по обстоятельствам...»)²⁰.

Теперь Харденберг предлагал «вернуться» к системе, которую прусские политики неоднократно принимали во внимание как возможный вариант, к планам российско-пруско-французского союза. Условия тройственного союза, по Харденбергу, сводились к следующему:

В состав Российской империи включалась Молдавия, Валахия, Бессарабия, Румелия с фортами на азиатском берегу и Болгария.

Австрия получала Далмацию, Боснию, Сербию и часть Валахии.

Фердинанд IV король Обеих Сицилий приобретал Албанию и Республику Соединенных Островов.

Королю Сардинии Виктору-Эммануилу доставалась Македония.

Франции предлагалось довольствоваться Фессалией, Ливадией, Негропонтом, Мореей, Кандией и островами европейской части Архипелага; таким образом, Франция приобретала главенствующее положение на Средиземноморье.

Сицилия и Сардиния были отданы соответственно во владение королю Жозефу-Наполеону (Бонапарту) и Франции.

Так прусскому канцлеру представлялся раздел европейской Турции, который должен был служить решающим условием нового союза.

По плану Харденберга должна была быть восстановлена Польша, которой предлагалось возвратить все отторгнутые у нее по последнему разделу земли за исключением Позена, Данцига, Торна, оставшихся у Пруссии, и ряда земель во владении у России. Королем Польши по традиции становится король Саксонский.

Что касается Пруссии, то в ее положении, согласно фон Харденбергу, должны были произойти решительные перемены. Ее существование вообще тогда находилось под вопросом²¹, однако же она не только «сохраняла», за исключением Вестфалии и Байрейта, все свои земли, но приобретала курфюршество Саксонию, Лузатию, часть земель Бамберга и Вюрцбурга на северном берегу Майна. Предполагалось, что Франция «получит в свое распоряжение» Бремен и позаботится о вознаграждении для великого герцога Вюрцбургского. Во владение Пруссии переходили Любек и Гамбург, а также частичный (ограниченный) суверенитет над рядом германских государств, оказавшихся за пределами «Германии», т. е. Рейнского союза. По плану Харденберга, предлагалось образовать «федеративную систему» из ряда этих государств (Анхальт-Бернбург, Анхальт-Цербст, Шварцбург, Рейс, Штольберг, герцогские мекленбургские и саксонские дома) во главе с Пруссией²². Курфюрст Гессен-Кассельский и принц Фульдский восстанавливались в своих владениях и присоединялись к прусской федеративной системе.

В довершение всего Англии возвращался Египет, остров Мальта и европейское ее владение Ганновер, в случае, если ею будет признан принцип свободы морей, в противном же случае Балтийское море объявлялось закрытым для англичан.²³

Планы прусского канцлера серьезно обсуждались в присутствии Александра I и были им утверждены, т.е. ими должны были руководствоваться в предстоявших переговорах. Впрочем, почти наверняка мысль о том, что планы Харденберга слишком далеки от реальности, и возникала в ходе обсуждения, никто из присутствовавших не высказался против этих проектов. Более того, император Александр собирался поручить самому прусскому канцлеру ведение переговоров с Наполеоном от своего имени и от имени Фридриха-Вильгельма III.

Поведение Александра I при утверждении плана Харденберга было весьма характерно для него. Он без каких бы то ни было сомнений мог утвердить проект, в который, возможно, внутренне уже и не верил, и, когда наступал момент осуществления плана, с той же легкостью отказаться от него или же так видоизменить, что в нем или в действиях по его осуществлению с трудом можно было узнать первоначальный проект. Разумеется, объяснение тому не следует искать в слабости душевного склада императора, подверженного влиянию тех или иных условий, а в желании и умении говорить то, что хотели бы услышать, предпочитая такой дипломатически тонкий образ действий открыто и решительно выраженному мнению²⁴. Кроме того, необходимо иметь в виду, что Александр I еще не знал, чего потребует от него Наполеон, поэтому он и не стал обсуждать с пруссаками саму возможность проведения в жизнь плана прусского канцлера, оставив его как возможный вариант соглашения, который мог быть рассмотрен непосредственно во время переговоров с Наполеоном.

Характерно, что тогда же в разговоре с А.Б.Куракиным Александр в числе причин, побудивших его пойти на мирные переговоры с французской стороной, назвал стремление добиться возвращения Пруссии ее владений, уступив при этом Франции в вопросах о Молдавии, Валахии и Республике Семи Соединенных Островов. Все это говорит об определенной неустойчивости, свойственной внешнеполитическим представлениям Александра I перед переговорами в Тильзите.²⁵

На основании плана прусского канцлера 23 июня 1807 г. в Таурогене были составлены инструкции графу Фридриху Адольфу фон Калькрёйту, уполномоченному

прусского короля для ведения переговоров о перемирии между Пруссией и Францией. «Их Величества полагают, - говорилось в инструкциях, - что, имея в виду их представления о мире и таковые же Наполеона, маршалу нетрудно будет приуготовить пути к переговорам, на которых он остался бы сообща с бароном фон Харденбергом в качестве уполномоченного. Раздел европейской Турции явился бы средством к примирению всех заинтересованных сторон, а также средством доставить Франции господство на Средиземноморье, какового она желает...»²⁶

13 (25) июня состоялось свидание Александра и Наполеона. Затем переговоры были перенесены непосредственно в Тильзит, а утвержденный план Харденберга так и остался без движения. Более того, в первый день встречи Наполеона и Александра прусский король не был допущен на неманский плот. В тот день он все ждал на правом берегу Немана, что его, наконец, позовут. Нетерпение его было столь велико, что, по словам генерал-адъютанта П.М.Волконского, один раз он как бы машинально поехал к берега в реку и остановился, когда вода лошади была по брюхо.²⁷

Хотя на следующий день Фридрих-Вильгельм и был принят, Наполеон тотчас же дал понять, что ему придется довольствоваться ролью статиста. В ответ на стремление короля доказать, что причина разрыва с Францией – в нарушении последней нейтралитета Пруссии (что имело место в 1805 г., при Аншпахе), Наполеон утверждал, что несчастья Пруссии вызваны происками англичан. Наполеон до такой степени не считался с королем, что даже не представил ему своих генералов. В присутствии прусского короля он пригласил к себе на обед императора Александра; Фридрих-Вильгельм остался без приглашения. Решительным тоном Наполеон высказался против участия в переговорах Харденберга, который перед войной с Францией отнесся к французскому послу без должного уважения, отказавшись его принять.²⁸

Отступление от духа и буквы Бартенштейнской конвенции, выразившееся в том, что Александр I решительно не воспрепятствовал стремлению Наполеона договариваться с каждым из союзников порознь, в согласии на свидание с Наполеоном и сепаратные переговоры с ним, было тяжким ударом для Пруссии, а положение короля перед лицом российско-французских переговоров представлялось в высшей степени ложным и унижительным. Но, если Александр I и старался по мере сил облегчить положение прусского короля, то ему удалось лишь добиться того, чтобы Фридрих-Вильгельма иногда допускали на официальные приемы и смотры войск, а также чтобы малочисленным прусским войскам было позволено находиться в Тильзите. Правда, вскоре, начиная с 28 июня трое государей уже обедали вместе, и с этого момента Наполеон иногда появлялся с прусским орденом Черного Орла на мундире. Но после кратковременных встреч Фридрих-Вильгельм III всякий раз покидал Тильзит, не будучи допущен к дальнейшим переговорам²⁹. Александр I охотно провожал короля в Питкуньен и быстро возвращался назад, чтобы провести остаток дня в обществе своего нового «друга». По словам Наполеона, прусский король порою просто утомлял российского императора тем, что постоянно жаловался и проявлял досаду из-за того, что им пренебрегали.³⁰ Александр же тем временем заверял Фридрих-Вильгельма в неизменности своих дружеских чувств и в готовности как и прежде защищать интересы Пруссии.³¹

Стремление российского императора облегчить положение Пруссии не следует целиком относить на счет личных симпатий к прусской королевской чете и клятвы, данной в Потсдаме на гробе Фридриха Великого, хотя нельзя и вообще отрицать факт прочных пропрусских симпатий Александра I. Взгляды Александра I на внешнюю политику и международные отношения не во всем определялись личными симпатиями, и уж во всяком случае им едва ли были присущи «черты средневекового

романтизма»³². Главным же здесь было то обстоятельство, что российский император, продолжая чувствовать себя связанным условиями Бартенштейнской конвенции, считал отстаивание целостности или вообще самого существования Пруссии «делом чести»³³, справедливо полагал, что с ликвидацией гогенцоллерновской монархии и Пруссии между Французской Империей и Россией больше не будет промежуточного государства, и границы обоих государств соприкоснутся. А это, по-видимому, не входило в расчеты российского императора. Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что Тильзитский мир в представлении Александра I не мог быть ничем иным, как миром вынужденным, навязанным ему стечением обстоятельств (истощением сил России, безответственностью союзников, поражением Пруссии)³⁴. Поэтому он должен был быть заинтересован в том, чтобы не оставлять Пруссию в одиночестве и смягчить уготованную ей участь.

Отстраненный от переговоров прусский канцлер поддерживал прежние тесные отношения с российским министром иностранных дел Будбергом и лично с Александром I, поэтому по крайней мере первое время он был в целом осведомлен о ходе российско-французских переговоров. Именно это обстоятельство, а также близость к месту российско-французской встречи в верхах направляло его усилия и питало его иллюзии в стремлении добиться успеха в переговорах применительно к прусско-германским делам. Прусскому канцлеру фон Харденбергу при всей фантастичности предложенного им Александру I плана все же нельзя было отказать в политической прозорливости, которая не обманула его, хотя и не принесла его плану желаемого успеха. Харденберг построил свой план спасения прусской монархии и «исправления фигуры» Пруссии на проекте раздела Турции и воссоздания польского государства. Он еще не мог знать, что Наполеон со своей стороны также предложит обсудить вопрос о наследстве Оттоманской Порты, что он уже принял решение о вычленении из Пруссии ряда восточных земель для образования герцогства Варшавского. А когда прусский канцлер узнал об этом, он, несмотря на то, что по требованию Наполеона был устранен от переговоров, вновь выдвинул свой план. Представляя 17 (29) июня Фридриху-Вильгельму свою записку Харденберг выразился в том смысле, что было бы полезно довести ее до сведения императора французов. Этим, по его мнению, достигалась и другая цель; прусский канцлер мог быть допущен к переговорам в случае одобрения записки, что, возможно, способствовало бы улучшению положения Пруссии³⁵.

Как и в первой записке, Харденберг выдвигал на первый план идею союза России, Франции и Пруссии, который установил бы в Европе новую политическую систему на основе кардинального решения вопроса о Турции.

«Основанная на великих либеральных началах, она (система российско-пруско-французского союза — С. И.) будет господствовать над вселенной, — писал Харденберг, — и принудит Англию к заключению справедливого мира и уступкам в деле свободы морей... Раз усвоив эту систему, нужно будет энергично и разумно следовать ей. Отныне император Наполеон также не может желать ослабления Пруссии; наоборот, он должен сделать ее более сильной...». Средство к достижению этой цели, по Харденбергу, могло быть найдено, «если бы решились положить конец существованию Оттоманской империи в Европе...»³⁶

Новая записка в основном повторяла содержание ранее утвержденной Александром I с той разницей, что по новому плану Франции назначался Байрейт (с последующей уступкой его Баварии) и бамбергские земли на правом берегу Майна. О федерации под главенством Пруссии более речи не было, но вместе с тем прусские владения отделялись от остальной Германии. Кроме Гессен-Касселя прусский канцлер предлагал восстановить в прежних владениях принца Нассауского и герцога

Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Для младшего брата Наполеона, Жерома, под пером прусского канцлера создавалось королевство из земель швейцарской конфедерации.

На заседаниях 21 и 22 июня планы Харденберга обсуждались в присутствии российского министра иностранных дел А. Я. Будберга, а также прусского и российского монархов. Однако, несмотря на всю изворотливость Харденберга, пытавшегося направить политику России, Франции и Австрии на удовлетворение их интересов за счет Порты (территорию европейской Турции нужно было еще завоевать!), ему не удалось изменить судьбу Пруссии к лучшему. Харденберг по требованию Наполеона был удален от дел и вместо него был назначен граф Август Фридрих фон Гольтц. Вряд ли Александр и тем паче Фридрих-Вильгельм сочли возможным ознакомить Наполеона с планами Харденберга. Слишком очевидно было, что Наполеон только терпит присутствие прусского короля. Александр I встречался с Наполеоном наедине и не делал попыток привлечь к беседам Фридриха-Вильгельма. Спасение Пруссии находилось в руках российского императора, и неудачная миссия прусской королевы Луизы в Тильзите, на которую пруссаки возлагали надежды, это лишний раз подтвердила. Император французов отверг все ходатайства о возвращении областей, которые должны были быть отторгнуты от Пруссии³⁷. Наполеон был непреклонен, т. к. низведение Пруссии до уровня третьестепенной державы было им уже решено.

«Ваш король, — сказал Наполеон графу фон Гольтцу, — всем обязан рыцарской привязанности к нему императора Александра: без него династия короля лишилась бы престола, и я отдал бы Пруссию моему брату Жерому. При таких обстоятельствах король должен считать одолжением с моей стороны, если я что-либо оставляю в его власти»³⁸.

В ходе личных свиданий Наполеона и Александра уже после заключения перемирия между Францией и Пруссией канцлер фон Харденберг, отстраненный от переговоров, предпринял еще одну попытку повлиять на их исход. Он обратился к Александру I с письмом, в котором отстаивал ту точку зрения, что Пруссия должна быть заключена в свои «естественные» границы (Эльба—Неман), став таким образом «промежуточным» государством между Россией и Францией. Напомнив Александру I об его союзнических обязательствах Харденберг советовал ему употребить все силы с тем, чтобы «бывшие польские провинции» Пруссии остались в составе прусского государства на правах конституционной автономии. Равным образом прусский канцлер указывал на необходимость сохранить за Пруссией старые прусские области — Альтмарку, Магдебург с округами по реке Заале, Мансфельд и Хальберштадт, вознаградив Саксонию и королевство Вестфальское земельными владениями на севере Германии (Хильдесхайм, Гослар, Лауенбург, Хонштайн, Айхсфельд и др.). «Ослабляя Пруссию, как то намеревается сделать Наполеон, он приводит в замешательство интересы Европы и самой России — это должно быть более, чем очевидным, в особенности же для Вашего Величества. Как он будет вести себя по отношению к России, став повелителем Европы, окружив Пруссию со всех сторон, господствуя равным образом, как на Висле, так и в Данциге и Торне, рано или поздно получив доступ к Мекленбургу и шведской Померании, которую он, вероятно, отберет у короля Швеции и включит в Рейнскую лигу....?» Настаивая на том, чтобы Александр противился «всеми возможными средствами гибельным планам Императора Наполеона», Харденберг заканчивал свое послание российскому Императору следующими словами: «Пусть же между Неманом и Эльбой Пруссия станет воистину промежуточной державой (*puissance*)!» (в оригинале два последние слова подчеркнуты рукой Харденберга. — С.И.)³⁹.

27 июня (9 июля) 1807 г. между Россией и Францией был подписан мирный договор, ратифицированный через два дня после подписания⁴⁰. Согласно статье 4, прусский король «из уважения к Его Величеству Императору Всероссийскому» восстанавливался в своих владениях. В этой статье подробно перечислялись все те области, которые Наполеон «уступал» Пруссии. Таким образом, Прусское государство обрело границы, существовавшие на 1 января 1772 г.

Из восточных прусских провинций образовывалось великое герцогство Варшавское. То есть польские земли, приобретенные Пруссией по разделу 1772 г., были отторгнуты от нее. Великим герцогом Варшавским становился Фридрих Август I король Саксонский, член Рейнского союза (ст. 5). Ст. 11 и 12 касались правовых вопросов, неизбежно возникающих в случаях перемены правления, в данном случае при уступке Пруссией части земель в пользу герцогства Варшавского.

Ст. 6, 8, 9 определяли статус Данцига: восстановление его независимости и учреждение «покровительства» над ним со стороны прусского и саксонского королей. Саксония и великое герцогство Варшавское получали свободу пользования военной дорогой через прусские земли. Число войск и этапы должны были быть определены особой конвенцией между всеми заинтересованными сторонами с участием Франции (ст. 7).

Ст. 13 восстанавливала герцогов Саксен-Кобургского, Гольштейн-Ольденбургского и Мекленбург-Шверинского в их владениях, оставляя в портах двух последних герцогств французские гарнизоны до обмена ратификациями будущего окончательного мирного договора между Францией и Англией.

Российский император признавал Рейнскую конфедерацию, владения и титулы каждого отдельного государя этого союза германских государств, а также владения будущих членов конфедерации и их титулы (ст. 16). Принц Жером-Наполеон признавался королем Вестфалии (ст. 19), образованной из левобережных прусских провинций по Эльбе и других владений (ст. 20).

Особыми статьями русским императором принималось на себя посредничество в деле примирения Англии и Франции. Александр I обязывался заключить перемирие с Турцией и вывести свои войска из Молдавии и Валахии до окончательного решения об этих областях в мирном договоре, заключенном при посредничестве Франции.

В «Отдельных и секретных статьях» основное внимание уделялось восточным и средиземноморским делам. Тем не менее, среди них помещался важный пункт, определяющий вознаграждение Пруссии в случае уступки Ганновера королевству Вестфальскому (ст. 5). Там же значилась статья о выплачивании Францией ежегодной компенсации представителям владетельных домов Германии, лишившихся своих владений (Гессен-Кассель, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Нассау-Ораниен).

Российско-французский договор о мире и дружбе едва ли надолго мог стать прочной основой российско-французской системы мира в Европе. Некоторые проблемы (восточный вопрос) фактически остались за пределами соглашения, не были сформулированы в тексте договора и породили впоследствии недоразумения и взаимные претензии⁴¹. Учреждение герцогства Варшавского фактически отодвинуло границы Французской империи далеко на восток, между тем как идея российско-французского союза строилась Наполеоном, в частности, как раз на том, что границы России и Франции не соприкасались⁴². В отличие от этого, вопросы, связанные с установлением новых отношений в Германии, представлены с достаточной полнотой и ясностью.

Наряду с прусской проблемой другим предметом забот Александра I еще перед началом переговоров с Наполеоном было восстановление Фридриха-Франца II герцога Мекленбург-Шверинского в его владениях.

8 января 1807 г. герцог Фридрих-Франц покинул занятый французами Мекленбург и до Тильзита пребывал в датской Альтоне, откуда вел переписку с Александром I.⁴³ На одно из писем герцога Александр отвечал: «...С горестным чувством узнал я о тяжелом положении, в котором оказались Ваша Светлость из-за попрания самого принципа законности и справедливости со стороны французского правительства. В этом единственный источник возмутительных поступков, объектом которых стали Ваша Светлость...»⁴⁴. Попытки Фридриха-Франца вернуть свои владения, где уже в декабре 1806 г. мекленбургские гербы были заменены французскими орлами, успеха не имели. Наследный принц Людвиг отправился ради этого в Берлин, однако «Буонапарте», — как сообщал мекленбургский посол фон Лютцов, — не принял его; Талейран также не стал вступать с принцем ни в какие объяснения (принц находился на российской службе, и это было одной из причин отказа принять его) и только через три недели принял Лютцова, заявив при этом, что «судьба Мекленбурга целиком зависит от поведения России по отношению к Франции...»⁴⁵. Некоторое время Лютцову казалось, что его и баденского посла французы хотят использовать в попытках завязать российско-французские переговоры, имея в виду родственные отношения между Мекленбургом, Баденом и Россией. В своем письме из Гродно от 11 (23) января 1807 г. Лютцов даже перечислял некоторые условия, на которых французы согласились бы вести переговоры.⁴⁶ Однако сыграть роль посредника Мекленбургу не удалось. До Тильзитского мира герцогство оставалось оккупированным и несло все тяготы, связанные с присутствием иностранных войск. Однако на переговорах с Наполеоном, как и предполагал Александр I⁴⁷, в вопросе о Мекленбурге не встретилось никаких препятствий. Российскому императору, по-видимому, не стоило особого труда добиться уступок в пользу и других своих родственников — герцогов Саксен-Кобургского и Гольштейн-Ольденбургского.

Остальные статьи Тильзитского договора, касающиеся Германии, следует занести в актив французской дипломатии. С российской стороны последовало признание всех настоящих и будущих перемен в германских государствах. Это было значительным отступлением от Бартенштейнской конвенции, выдвигавшей в качестве одной из целей антифранцузской коалиции уничтожение Рейнской конфедерации, существование которой в Германии считалось нетерпимым. Александром I признавались все новые титулы государей Рейнского союза и новое королевство Вестфальское во главе с братом Наполеона Жеромом, который чуть было не получил польский трон, если бы Александр I согласился на новую границу России по Висле.

Последнее обстоятельство не было таким уж невероятным, если подобного рода предположения обсуждались, например, в кругу императрицы Марии Феодоровны и даже нашли свое отражение в дневнике ее секретаря: «Возможно, что он («Бонапарт» — С.И.) заставит Иеронима жениться на единственной дочери курфюрста (Саксонского — С.И.), и думает возложить польскую корону на престарелую голову курфюрста; назначить Иеронима наследником, предоставив Иерониму власть, а тестю только титул; отторгнуть от Пруссии все ее владения в Польше, а может быть и в Силезии, чтобы составить вместе с курфюршеством новое королевство...».⁴⁸

Известно, что предложение о территориальных приобретениях за счет Пруссии и о новой границе по Висле Наполеон сделал Д. И. Лобанову-Ростовскому на обеде по случаю ратификации российско-французского перемирия 22 июня 1807 г.⁴⁹ Однако уже в «Ноте, писанной под диктовку Наполеона» от 22 июня (4 июля) 1807 г., признавалось: «...призвать принца Жерома на саксонский и варшавский престол было бы едва ли не равносильно полному перевороту во всех наших делах».⁵⁰ В «Проекте дополнения к инструкциям» Александр мотивировал свой отказ от границы по Висле

нежеланием быть «соучастником ограбления государя, с которым я связан договорами и к которому питаю чувства привязанности».⁵¹

С внешней стороны признание русским императором территориальных и политических перемен в Европе, произошедших при участии Франции со времен Республики до июля 1807 г., кажется жестом не заслуживающим особого внимания, ибо это на первый взгляд всего лишь запоздалое признание того, что отказывались признавать на протяжении многих лет.⁵² Однако, если принять во внимание то обстоятельство, что один из главных участников коалиции и давний противник Франции — Англия — продолжал борьбу против своей соперницы, если учесть, что легитимистски настроенные круги старой Европы продолжали связывать с Россией надежды на конечную реставрацию Старого Порядка, то оценки могут быть иными. Признание Александром I титула «императора французов», признание им новой ситуации в Европе и, в особенности, в германских государствах должно было свидетельствовать об отказе от одной из важнейших целей коалиции реставрировать королевский режим во Франции и о принципиально новой политике в отношении Англии, что подкреплялось обязательством о посредничестве России в деле заключения англо-французского мира, о разрыве отношений с Англией в случае непринятия ею посредничества и совместных действиях против этой державы...⁵³ Разумеется, все эти признания были сделаны Александром I под гнетом неудач, разочарований, подчеркнутого равноправия сторон на переговорах, но очевидного превосходства Наполеона, которое российский император не мог даже внешне признать без тягостной внутренней борьбы⁵⁴, а также порою унижительного сознания своего ложного положения в отношении прусского союзника.

Противоречия между недавними противниками после подписания тильзитских документов отнюдь не исчезли; они были лишь в ряде случаев смягчены и не замедлили в скором времени проявиться. Применяя подписанные статьи договора к конкретным условиям последующих лет, обе стороны извлекали для себя немалые выгоды из по-своему трактовавшихся статей соглашений, и, несмотря на то, что германские дела были рассмотрены обстоятельно и всесторонне, они еще не раз становились предметом пристального внимания тильзитских союзников.

9 июля 1807 г. заведовавший секретным архивом российского МИД П.Г. Дивов записал в своем дневнике: «Император приехал в ночь с 4-го на 5-е. На следующий день был отслужен молебен, но публика не выказала особенной радости. Это сближение с Наполеоном, последовавшее после того, как его так жестоко поносили, и то обстоятельство, что император принял орден Почетного Легиона и дал Наполеону Андреевскую ленту, огорчило стариков военных так, что молебствие прошло довольно холодно».⁵⁵ Как писал в своих записках барон В.И. Лёвенштерн: «Неудовольствие российской аристократии по поводу союза с Францией возникло во время заключения тильзитского договора; это неудовольствие не скрывали, и оно имело влияние на общественные отношения французов и членов Рейнского союза»⁵⁶, т. е. дипломатических представителей Франции и Рейнского союза. Тот же Дивов в записке, предназначавшейся для самого императора, высказывался в том смысле, что «бедственный сей договор, при заключении коего не находилось ни одного человека ни с твердостью, ниже с малейшими познаниями для обуздания честолюбивых замыслов Наполеона, есть и будет виновником всех несчастий России, доколе Десница Всевышнего не изотрет из актов народных условия совершенно противные существенным пользам государства и доколе не возстановится надлежащее равновесие между Россией и Францией...»⁵⁷ Другой известный деятель александровского времени Н.С. Мордвинов в своем «беспристрастном мнении» полагал, что «Россия, ежели исходить из условий Тильзитского договора, без сомнения отнюдь не потеряла своего

влияния в Европе; но, покинув своих ближайших и естественных союзников, она вынуждена была согласиться со всеми теми переменами, кои Бонапарт осуществил в Европе...»⁵⁸

9 августа 1807 г. был издан манифест об окончании войны и заключении мира. В немногих словах в манифесте резюмировалось положение Пруссии: «Союзнику нашему возвращены многие страны и области, жребием войны отторгнутые и оружием покоренные». ⁵⁹ Конечно, это ни в коей мере не отражало положения вещей, но составителям этого документа важно было подчеркнуть союзнические отношения Александра I и Фридриха-Вильгельма III. Наполеон не был столь щепетилен, как его новый союзник; 16 августа 1807 г. он заявил в своей речи перед Законодательным корпусом: «Если Бранденбургский дом, первым вступивший в заговор против нашей независимости, все еще царствует, то тем обязан он искренней дружбе, которую внушил мне могущественный император Севера...». ⁶⁰

Несмотря на то, что июнем 1807 г. в правлении Александра I открывается новый, «наполеоновский» период его царствования, тем не менее, император «ни на минуту не порывал вполне своей дружбы со смертельным врагом своего тильзитского союзника, прусским королем; напротив, он берег ее и держал в запасе, не упуская в то же время тех выгод, которые ему давал и обещал в будущем союз с Францией». ⁶¹ Заключив в Тильзите отдельный договор с Францией ⁶², Пруссия оказалась низведенной до положения третьестепенной державы. Теперь ее существование целиком зависело от того, как складывались российско-французские отношения в новых условиях, когда в Европе, как писал один немецкий публицист, установилось своеобразное «двойное господство» Франции и России. ⁶³

Некоторые прусские политические деятели, как например, бывший министр Харденберг, выражали свое негодование недостойным, по их мнению, образом действий Александра I, приписывая свое унижение предательству России. ⁶⁴ Однако сам прусский король, казалось, был убежден в том, что отношение к нему Александра не изменилось. 18 июля 1807 г. он написал в Петербург своему послу барону Г.-А. фон Лендорфу: «Мне слишком хорошо известен образ мыслей Его Императорского Величества, чтобы быть уверенным в том, что он разделяет со мною эту новую охватившую меня печаль, — писал король о подписании франко-прусской конвенции 12 июля. — Я уверен, что после всех тех доказательств привязанности, постоянства и верности, данных ему мною, душа его, чувствительная и великодушная, глубоко взволнована теми невыразимыми несчастиями, кои повлек за собою этот мир; но с тем большей готовностью он поспешит сделать все возможное, дабы попытаться облегчить и сие новое бремя...» ⁶⁵ В таких же выражениях писал король своему послу в Вене графу Ф.-Г. фон Финкенштену: «...Я должен отдать ему справедливость: на сей раз он дал мне самые трогательные доказательства своей личной дружбы и участия в судьбе моей монархии». ⁶⁶

Тильзитский мир подвел черту под многолетним периодом российско-французских отношений, который характеризовался переходом от попыток мирного решения спорных вопросов, в том числе и касавшихся германских дел, к открытой конфронтации и вооруженным средствам борьбы. Тильзитский мир закрепил существовавшее к моменту его заключения французское преобладание в Германии. Попытки Пруссии выступить единым фронтом с Россией на российско-французских переговорах, используя Бартенштейнскую конвенцию и проекты Харденберга относительно российско-французской договоренности на основе раздела Турции, не увенчались успехом. Пруссия должна была заключить с Францией отдельный договор, по которому уступала половину своей территории вновь образованному королевству

Вестфальскому и Великому герцогству Варшавскому, а также обязалась платить Франции контрибуцию и содержать на своей территории французские войска.

Вместе с тем, сохранение Пруссии, хотя и в урезанном виде, безусловно, следует считать успехом российской внешней политики.⁶⁷ Именно это имел в виду император Александр, когда писал своей любимой сестре о том, что покидает Тильзит не просто, а с «с некоторым блеском».⁶⁸ Сохранение Пруссии и всемерное улучшение ее положения диктовалось не столько личными мотивами Александра I, сколько соображениями укрепления безопасности России в будущем. Однако при оценке политики Александра I на тильзитских переговорах необходимо принимать во внимание, что как бы то ни было, но Тильзит — это сепаратные переговоры и сепаратный мир не только по отношению к Англии, но и по отношению к Пруссии — переговоры, которые велись за спиной Пруссии, и мир, заключенный без ее участия.

Если иметь в виду, что на определенном этапе переговоров французская сторона обнаружила намерение разыграть карту российско-французского союза, то союзнический долг по отношению к Пруссии предполагал совершенно определенный образ поведения, сопряженный с твердостью и решительностью. Однако дошедшие до нас документы, относящиеся к переговорам в Тильзите, не позволяют судить о том, что такого рода образ действий был характерен для позиции Александра I на одном из этапов российско-французских переговоров, когда положение Пруссии еще можно было спасти. Во всяком случае, серьезная дипломатическая поддержка, оказанная Россией Пруссии после Тильзита вплоть до начала 1812 г., приводит к выводу не только последовательности российской внешней политики по отношению к германским государствам, но и о некоем комплексе вины, во всяком случае, в том, что касается Пруссии. Определенную роль в этом отношении, по-видимому, должна была сыграть записка прусского военного и в то время (август—сентябрь 1807 г.) делавшего первые шаги на дипломатическом поприще Р. О. фон Шёлера, который — едва ли только по собственной инициативе — направил ее Александру I из Тильзита с препроводительным письмом от 1 (13) августа 1807 г.

Записка называется «Соображения касательно различных интересов императора Александра после того, как в конце июня 1807 г. в Тильзите были начаты переговоры о мире». В сопроводительном письме прусский дипломат высказывал любопытное предположение о том, что в преддверии франко-английских переговоров о мире и участия в них России следует увязать заключение долгожданного мира между Францией и Англией с восстановлением значения Пруссии как европейской державы, ибо «Пруссию, ослабленную и расчлененную, каковой она ныне пребывает, а вскоре затем и принужденную оказать помощь в ниспровержении Австрии, постигнет политическая смерть и с этих пор влиянию Великобритании на континенте придет конец!»⁶⁹ В самой же записке речь шла о том, что Пруссия на всем протяжении переговоров с Францией постоянно будет нуждаться в действенной поддержке со стороны России, а для этого необходимо использовать всякий случай, подчеркивая сохранение российско-пруссских союзных отношений и наличие общих интересов; в решительном и твердом заявлении Александра I перед началом переговоров должна была прозвучать мысль о том, что державы заключат в Тильзите единый договор о мире, а не каждый из союзников в отдельности. При этом автор записки настойчиво старался убедить в том, что заключение тройственного мира позволило бы соблюсти баланс интересов и избежать жертв, которые неизбежны при сепаратных переговорах. Способствуя сохранению Пруссии, — указывалось далее в записке, — император Александр отнюдь не пренебрегает интересами России. Пруссия, хотя и может представить России лишь слабую поддержку и вспомогательные средства, однако под владычеством Наполеона она вскоре превратится в опасного врага — тем более, ежели,

будучи уже опустошенной и ограбленной, она увидит, что ее оставили на произвол судьбы, и почувствует, что не представляет отныне никакого значения”.⁷⁰ Вероятно, в этой ситуации Пруссия могла форсировать вступление в Рейнский союз, заслужив это своим поведением по отношению к Франции, или, воспользовавшись благоприятным моментом, вступить в непосредственный союз с Францией.

Александр I ознакомился с этой запиской уже после переговоров с Наполеоном; ее автору, в силу своего положения при дворе или по иным причинам, не дано было случая поднести ее императору лично. Тем не менее его записка могла иметь определенное влияние в дальнейшем, тем более что сам фон Шёлер с сентября 1807 г. находился с миссией в Петербурге, а затем был назначен туда посланником прусского короля.

Что же касается позиции Австрии, то новая политическая система, неожиданно возникшая после поражения российско-прусской коалиции, могла быть чревата серьезными последствиями. Колебания австрийских политиков привели к тому, что благоприятный момент для вступления в коалицию против Франции был упущен, но венский кабинет предполагал воспользоваться обстоятельствами, и направил в главную ставку Александра I знакомого ему генерала Штуттерхайма с предложениями посредничества Австрии. Однако австрийский посланец прибыл в Тильзит только 9 июля, в день, когда состоялась ратификация франко-российского мирного договора. Штуттерхайму пришлось на ходу принимать решения, сообразуясь с непредвиденной ситуацией и совершившимся фактом франко-российского согласия. Обратившийся к барону А.Я.Будбергу с просьбой об аудиенции у императора, Штуттерхайм получил отказ: российский император передал через своего министра, что не имеет ни малейшего желания видеть австрийскую дипломатическую миссию. Фон Штуттерхайм так и не смог вручить Александру I, который хорошо знал его еще по петербургской миссии 1804-1805 гг., письмо императора Франца, а Будберг промолчал в ответ на просьбу австрийского представителя о разрешении сопровождать российского императора в Петербург в надежде на конечный благоприятный исход своей миссии.⁷¹

В отличие от Александра I император французов не был столь категоричен и в беседе со Штуттерхаймом выразил благодарность австрийскому императору за то, что тот проявил сдержанность и не вмешался в ход военных действий в 1806-1807 гг. (Эта благодарность вполне могла сойти за язвительность тона, но дипломат предпочел ее не заметить). Для российского императора и его политики в отношении Австрии это в конечном счете могло иметь решающее значение, и его недовольство поведением своего союзника в 1807 г., так и не присоединившегося к российско-прусскому альянсу, не отразилось на характере отношений между Россией и Австрией, дружественный характер которых служил в дальнейшем известным противовесом для союзных российско-французских отношений.

¹ 86 me bulletin de la Grande Armée, 25 juin 1807 // Correspondance de Napoléon I, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris. 1864. Т. XI. p. 372.

² Шиман Т. Александр Первый. М. 1908. С. 13.

³ Ср. Сироткин В.Г. Тильзитский мир // Французский ежегодник за 1963 г. М. 1964. С. 73; его же. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801-1812 гг. М. 1966. С. 85.

⁴ А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 20 февраля (4 марта) 1807 // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб. 1887. Т. IV. С. 337-338.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Фонд Канцелярии министра иностранных дел. 1807. Оп. 468. д. 9418. № 21 (приложения). лл. 53-54, 55-58.

⁶ Соловьев С.М. Император Александр Первый. Политика – дипломатия. СПб. 1877. С. 150.

⁷ См. исторические труды при статье Ф.Штраубе: Straube Fr. Zur Deutschlandpolitik des zaristischen Russland 1789-1815 // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. 1975. Bd. 19/ 1. S. 103-123; см. также: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М. 1981. С. 196-199.

⁸ Этот документ, опубликованный в сборнике Императорского Русского исторического общества (СПб. 1893. Т. 89. С. 33-37) и аннотированный в публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (М. 1963. Т. III. С. 622) до сих пор не привлекал внимание исследователей несмотря на казалось бы пристальное внимание к каждому документу, касающемуся предшествовавших Тильзиту переговоров.

⁹ Составители примечания к аннотации документа именно так трактуют «Некоторые соображения». См.: ВПР. Т. III. С. 754.

¹⁰ РИО. Т. 89. С. 33. Нельзя ли здесь предположить, что последующее отчуждение прусского короля и его представителей в Тильзите сознательно поддерживалось российской стороной, дабы избежать установления более тесных франко-прусских отношений и последующего вступления Пруссии в Рейнскую конфедерацию германских государств? Такое предположение не кажется таким уж маловероятным, и в ходе тильзитских переговоров такое отчуждение вполне могло иметь место. Оригинал «Некоторых предположений» см.: АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 1289. № 151. лл. 4-8об.

¹¹ Владение Евер, которое с 1667 г. в силу разных родственных обстоятельств находилось в составе Ольденбурга, должно было по смерти бездетного графа Антона-Гюнтера перейти под власть государей Анхальт-Цербстских, а когда в 1793 г. принц Фридрих-Август Анхальт-Цербстский умер, не оставив наследников, владение перешло под державную руку императрицы Екатерины II и к 1807 г., перед Тильзитским миром, еще находилось в составе Российской империи (Scheer D. Die Herrschaft Jever unter Anhalt-Zerbstischer Verwaltung // Oldenburger Jahrbuch des Vereins für Althertumskunde und Landesgeschichte. Oldenburg. 1925. Bd. XXIX. S. 202).

¹² См.: Сироткин В.Г. Тильзитский мир // Французский ежегодник за 1963 г. М. 1964. С. 77-78. Перевод документа, дополнение к нему и комментарии опубликованы в ВПР. Т. III. С. 754-760 (приложения).

¹³ АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 1289. ad № 151. л. 18.

¹⁴ В краткой редакции меморандума о Пруссии говорится: «Для себя Россия не хочет ничего. Ее единственный союзник – Пруссия; предмет, коего она желает больше всего – восстановление [полновластия] короля Прусского в своих владениях» (РИО. Т. 89. С. 700). В публикации Шильдера слово «Богемия» взято в скобки, как если бы Богемия была предложена в качестве одного из возможных вариантов (Там же. С. 37).

¹⁵ Этот пункт у Шильдера передан менее пространно, но в том же смысле (см.: РИО. Там же).

¹⁶ См. материалы, относящиеся к миссии майора Кнезебека в Вену: АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 9418. № 20 (приложения). лл. 18-36.

¹⁷ См. предисловие Н.К.Шильдера к публикации в РИО. Т. 89.

¹⁸ ВПР. Т. III. С. 754-760 (примеч. 414).

¹⁹ Там же. С. 557-564. По основным пунктам соглашение было разработано в ходе бесед Александра I и Фридриха-Вильгельма III 10 апреля 1807 г. См.: Plew J. Der Bartensteiner Vertrag zwischen Preussen und Russland. Bartenstein. 1894. S. 71-86.

²⁰ ВПР. Т. III. С. 564. См.: Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg (далее - Hardenberg). Hrsg. von L. von Ranke. Leipzig. 1877. Bd. III. S. 347-348.

²¹ Весьма показателен в этом отношении незаконченный «набросок манифеста Наполеона о низложении Бранденбургского дома», составленный одним из сотрудников Ш.-М. де Талейрана в конце 1806 г. (Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. Hrsg. von P.Bailleu. Leipzig. 1877. Th. II. S. 581-583). Примерно тогда же по поручению Наполеона другой сотрудник французского МИД составил две записки, в том числе проект ликвидации прусской монархии.

²² Прусские планы создания Северо-германского союза в противовес Рейнской конфедерации и Австрии встречали в прошлом поддержку только у пропрусски настроенных государей Германии. Большинство же государств, к тому времени еще не вошедших в состав Рейнского союза, с недоверием относились к

стремлению Пруссии играть преобладающую роль на севере Германии (Usinger R. *Napoleon und der Nordische Bund // Preussische Jahrbücher*. 1864. Bd. 14. S. 560). Российское правительство, хотя и выражало свою поддержку Пруссии и заявляло о намерении вступить в союз, если таковой был бы создан, склонно было не доверять искренности намерений прусских политиков (См.: ВПР. Т. III. С. 308-309, 343-345 и примеч. на С. 707 и 709). После поражения Пруссии в 1806 г. проект Северо-германского союза был лишен всякого смысла.

²³ Hardenberg. Bd. III. S. 461-462.

²⁴ См.: Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Люди и события. Берлин. 1931. С. 124-145.

²⁵ Куракин – императрице Марии Феодоровне, 10 (22) июня 1807 // Русский Архив. 1868. Кн. 1. С. 176-183.

²⁶ Hardenberg. Bd. III. S. 463-464.

²⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 гг. СПб. 1846. С. 366.

²⁸ Schladen Karl-Friedrich Freiherr von. *Preussen in den Jahren 1806 und 1807. Ein Tagebuch*. Mainz. 1845. S. 243, 245.

²⁹ Cp. Wagner D.E. *Geschichte des russischen Reiches von altesten bis auf die neuesten Zeiten*. Neu bearbeitet und bis zum Tilsiter Frieden fortgesetzt. Bd. VI. Hamburg. 1810. S. 213-215.

³⁰ Bartsch Ch. *Skizzen zu eine Geschichte Tilsits von der ältesten Zeit bis 1812*. Tilsit. 1888. S. 129-130.

³¹ См.: Александр I – Фридриху-Вильгельму III, 15 июня 1807 // Briefwechsel König Friedrich Wilhelm III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander I (далее - Briefwechsel). Leipzig. 1900. № 145.

³² См.: Довнар-Запольский М.В. Обзор новейшей русской истории. Киев. 1914. Т. I. С. 37-52.

³³ Ullmann H. *Russisch-preussische Politik unter Alexander I. und Friedrich Wilhelm III. bis 1806*. Leipzig. 1899. S. 317-318.

³⁴ См. инструкцию Александра I графу Толстому при посылке его в Париж от 14 сентября 1807: РИО. Т. 89. С. 103. Не последнюю роль при принятии решения играли настроения в пользу мира среди ближайшего окружения российского императора и в армии (Wolzogen L. von. *Memoiren des königlich preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherr von Wolzogen*. Leipzig. 1851. S. 42-43).

³⁵ Записка прусского канцлера была направлена А.Я.Будбергу в приложении к письму из Мемеля от 16 июня 1807 г. (АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 9418. № 22. лл. 61-62), но обнаружена она среди других бумаг, приложенных к письму Харденберга от 6 июля под литерой «С». Вероятно, это произошло в ходе переговоров с французской стороной, когда разрабатывался исходный «пакет» предложений и условий, приемлемых для России.

³⁶ АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 9418. № 22 (приложения). Ср.: Hardenberg. Bd. III. S. 493, 494.

³⁷ О попытках прусской стороны повлиять на исход переговоров в Тильзите см., в частности: Bailieu P. *Königin Luise in Tilsit // Hohenzollern-Jahrbuch*. Leipzig. 1899. S. 221-240; *Die Verhandlungen in Tilsit. Briefwechsel König Friedrich Wilhelms III, und der Königin Luise*. Veröffentlicht von P.Bailieu // *Deutsche Rundschau*. Berlin. 1902. Bd. 110. S. 29-45, 199-221.

³⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 391-392. Если с доверием относиться к словам прусского короля, то Наполеон предлагал ему покинуть Пруссию и принять во владение Мекленбург-Шверин. См.: Фридрих-Людвиг – Фридриху-Францу I, 16 июля 1807 // Hirschfeld L. von. *Ein Thronerbe als Diplomat. Historische Studie aus der Rheinbundzeit. Nach archivalischen Quellen // Deutsche Rundschau*. Berlin. 1892. Bd. 70. S. 223.

³⁹ АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. д. 9418. № 28. лл. 74-75, 76-76об., 77об.

⁴⁰ ВПР. Т. III. С. 631-642. В публикации текстов тильзитских соглашений, помещенных в ВПР и в примечаниях, сопровождающих эти тексты, не учитывалось первое отдельное издание тильзитских документов (без, естественно, отдельных и секретных статей), выпущенное в Ваймаре под названием «Тильзитский мир между Францией, Россией и Пруссией, заключенный 7 и 9 июля 1807 г.» (*Der Friede von Tilsit zwischen Frankreich, Russland und Preussen geschlossen de 7ten und 9ten Julius 1807*. Weimar. Im Verlage des Geographischen Institut. 1807). Публикация двуязычная – по-немецки и по-французски (немецкий текст слева, французский – справа). К публикации приложена подробная карта территориальных изменений в Германии (*Charte von Teutschland*) согласно Тильзитским договорам. Карта позволяет уточнить дату данной публикации, т.к в легенде, сопровождающей карту, значится: «Nach den, durch den Frieden zu Tilsit von 9 July 1807 teils bestimmten, teils noch unbestimmten Besitzungen Entworfen in August 1807».

⁴¹ На это обстоятельство указывал еще Н.К.Шильдер во введении к публикации «Посольство графа П.А.Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг.» (РИО. Т. 89. С. LVI-LVII), однако, его точка зрения о том, что текстуальная несовершенство договора явилась результатом умелых действий французской дипломатии, стремившейся к свободе рук в восточных делах, представляется односторонней. В.Г.Сироткин, опираясь на материалы, опубликованные в ВПР, сделал важный вывод о том, что российская сторона отклонила окончательное решение судьбы европейской Турции ввиду чрезвычайной сложности проблемы, затрагивавшей интересы не только двух договаривавшихся сторон (Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. М. 1966. С. 97-99). Необходимо отметить, что Наполеон и не настаивал на решении турецкого вопроса, дабы не нарушить только что установившееся согласие между Россией и Францией (Meneval C.F. *Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon Ier*. Paris. 1894. Т. II. p. 105).

- ⁴² Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой Империи. СПб. 1910. Т. I. С. 101-102; см. «Ноту, писанную под диктовку Наполеона», Тильзит. 22 июня (4 июля) 1807 // РИО. Т. 89. С. 63; *Correspondance...* Paris. 1864. Т. XV. № 12 849.
- ⁴³ Фридрих-Франц II – Александру I, б.д. и 9 февраля 1807 // АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 6113. № 39 и 40. Автографы.
- ⁴⁴ Александр I – Фридриху-Францу, 4 (16) ноября 1806 // АВПРИ. ф. Канцелярия. 1806. д. 6113. № 43. лл. 8-8об. Отпуск.
- ⁴⁵ Нота фон Лютцова – А.Я.Будбергу, 23 января 1807 // Там же. д. 7673. № 34. л. 44.
- ⁴⁶ Лютцов – Будбергу, 11 (23) января // Там же. № 32. л. 44.
- ⁴⁷ РИО. Т. 89. С. 34. В «Проекте инструкций», составленном позднее «Некоторых соображений», т.к. в нем упоминается о встрече Александра I с «главой французского правительства» (не ранее 13 (25) июня 1807), мекленбургский вопрос значится как уже фактически решенный (ВПР. Т. III. С. 756-757).
- ⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации. ф. 663. оп. 1. д. 30. лл. 1-2.
- ⁴⁹ Русский Архив. 1868. Кн. 2. С. 188-189; РИО. Т. 89. С. XXIII; Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801-1812. Paris. 1891. p. 135-138.
- ⁵⁰ РИО. Т. 88. С. 64.
- ⁵¹ ВПР. Т. III. С. 757-758.
- ⁵² Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий... С. 103-104.
- ⁵³ См. текст российско-французского договора о наступательном и оборонительном союзе от 25 июня (7 июля) 1807 // ВПР. Т. III. С. 645.
- ⁵⁴ Гальберштадт Л.И. Внешняя политика в царствование Александра I // Три века. Россия от смуты до нашего времени. Ист. сборник под ред В.В.Калаша. М. 1913. Т. V. С. 197.
- ⁵⁵ Русская Старина. 1903. Т. 106. № 5. С. 469-470.
- ⁵⁶ Записки генерала В.И.Лёвенштерна // Русская Старина. 1900. Т. 103. Кн. I. С. 107.
- ⁵⁷ Русская Старина. 1899. Т. 102. Кн. I. С. 89.
- ⁵⁸ Архив графов Мордвиновых. Т. III. СПб. 1902. С. 250-251.
- ⁵⁹ *Journal du Nord*. 1807. № XXXIII. p. 655. Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1830. Т. XXIX. С. 1232. В «Обозрении жизни и царствования Императора Александра Первого» П.Я.Путяты говорится в этой связи, что «Александр склонил Наполеона к уступкам и в одной статье именно сказано: «что Император французов, в уважение к Императору Всероссийскому, соглашается возвратить королю Прусскому следующие области и пр.» (Девятнадцатый век. Ист. сборник. М. 1872. Кн. 1. С. 438). Талейран впоследствии язвительно заметил, что российский император возвратился в Россию, «даже не убедившись в том, что та половина прусских земель, которую король сохранял за собою, будет-таки ему возвращена незамедлительно и сполна, что ему не придется выкупать ее ценою новых жертв» (*Talleyrand Ch.-M. de Mémoires du Prince de Talleyrand*. Vol. I. Paris. 1861. p. 315).
- ⁶⁰ *Journal du Nord*. 1807. № XXXVI. p. 734.
- ⁶¹ Шиман А. Указ. соч. С. 13-14.
- ⁶² Clercq A.J.H. de. *Recueil des traités de la France*. Т. II. Paris. 1863. p. 217-223.
- ⁶³ Kerk W. *Frankreich und Russland oder Doppelherrschaft in Europa*. Göttingen. 1808. S. 36-40.
- ⁶⁴ Hardenberg. Bd. V. S. 525.
- ⁶⁵ АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 9421. № 72. лл. 51-52.
- ⁶⁶ Oncken W. *Oesterreich und Preussen in Befreiungskriege*. Berlin. 1876. Bd. I. S. 3.
- ⁶⁷ Straube F. *Op. cit.* S. 113.
- ⁶⁸ Вел. кн. Николай Михайлович. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб. 1910. С. 15.
- ⁶⁹ АВПРИ. ф. Канцелярия. 1806. оп. 468. д. 9422. № 102. л. 2об.
- ⁷⁰ Там же. л. 8.
- ⁷¹ Штуттерхайм – Будбергу, 10 июля 1807 // АВПРИ. ф. Канцелярия. 1807. оп. 468. д. 189. № 55.